

ХУДОЖНИК ТЕОДОРА КРАРУП: ЖИЗНЬ В РОССИИ

Имя датской художницы Теодоры Краруп известно не многим искусствоведам в Дании и России. Между тем Теодора Краруп 42 года прожила в России и в Советском Союзе: приехав в Петербург в 1896 г., она уехала из Ленинграда в 1938 г. Известно, что она писала портреты Александра III (с фотографии, по заказу вдовствующей императрицы Марии Федоровны), а также портреты супруги Николая II Александры Федоровны с дочерьми. Также она является автором нескольких портретов Григория Распутина (по ее собственному утверждению, она написала двенадцать его портретов). А в 1936 г. она нарисовала карандашный портрет М.И. Калинина, который был напечатан тиражом 150 000 экземпляров для распространения по учреждениям.

О ее необычной судьбе датская общественность узнала из цикла воспоминаний, который в марте-апреле 1941 г. печатался в газете «Берлинске Тидене» (*Berlingske Tidende*). Воспоминания эти были записаны журналистом Вильямом Хасте и позднее изданы отдельной книгой под названием «42 года в Царской России и в Советском Союзе»¹. Эта книга остается почти единственным источником информации о жизни этой удивительной женщины.

Большую часть своей жизни Теодора Краруп прожила в Санкт-Петербурге, а в Данию она вернулась уже пожилым и не очень здоровым человеком (именно поэтому воспоминания записывал с ее слов журналист Вильям Хасте). После возвращения она поселилась в Копенгагене, в маленькой комнате в районе Эстербро, и жила очень скромно на небольшую пенсию.

О своем детстве и молодости в Дании она сообщает лишь отдельные факты. Сначала она училась у Вильгельма Кюна, а затем у профессора Вигго Йохансена в Академии изящных искусств. Затем отправляется продолжать образование в Париж. После учебы и работы в Париже она, по ее словам, не могла смириться с мыслью о возвращении в Данию. Слишком тесной казалась ей страна, слишком скучной и серой виделась ей будничная жизнь в Дании. Практически ничего не зная о России, она, тем не менее, стремится в эту страну и через Министерство культуры Дании получает рекомендации для датского посольства в Петербурге. «... Россия была для меня манящим великим неизведанным»², — вспоминает она.

Путь в Россию лежит через Швецию и Финляндию, и некоторое время она проводит в Финляндии, однако после нескольких месяцев, несмотря то, что известный финский художник Альберт Эдельфельт предлагал ей

учиться у него и одновременно нашел для нее несколько выгодных заказов, все-таки отправляется в Петербург, чтобы, как она сама говорит, «искать счастья». Не исключено, что при этом она надеется на протекцию императрицы Марии Федоровны, которая, как хорошо известно, всегда была готова помочь бывшим соотечественникам, чем многие из них злоупотребляли.

Когда читаешь ее воспоминания, поражают два факта: смелость, с которой эта молодая одинокая женщина, не знающая русского языка и не имеющая знакомых в Санкт-Петербурге, отправляется покорять столицу России, и то, как быстро эта женщина привыкает к совершенно новой для нее жизни. Благодаря рекомендациям она сразу же получает несколько выгодных заказов и погружается в светскую и культурную жизнь Петербурга. Она знакомится с представителями самых разных сословий, посещает дома известных деятелей культуры, писателей, политиков, ходит в театры и на выставки.

Одна из первых и, несомненно, самых важных для нее встреч состоялась вскоре после прибытия в Петербург в декабре 1896 г. Это была встреча в Аничковом дворце со вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Одна дама, которую Теодора Краруп называет «мадам де Флотов», по-видимому датчанка, помогает ей попасть на прием к вдовствующей императрице. И Мария Федоровна сразу же заказывает молодой художнице портрет своего покойного мужа, который та делает с фотографии Александра III. А через несколько лет Николай II заказывает ей портрет Александры Федоровны с двумя старшими дочерьми, за что Теодора Краруп кроме крупного гонорара получает в награду золотую медаль. Несомненно, эти первые заказы сыграли большую роль в ее жизни, сама же она таким образом комментирует это в своих воспоминаниях: «судьба сразу же оказалась благосклонна ко мне в незнакомом городе»³.

За первыми заказами последовали другие, Теодора Краруп становится модной художницей, к которой всегда обращается множество клиентов. Одна из крупных заказчиц этого времени, жена купца Григория Елисеева, просит написать портреты детей и сделать копию одной понравившейся ей картины.

В своей книге Теодора Краруп с восхищением рассказывает о пышности и богатстве Петербурга, его богатой культурной жизни, о выставках и концертах, она подробно описывает, например, торжественный прием в Зимнем дворце. Интересно, что она не находилась в ряду почетных гостей, а имела возможность наблюдать прием с галереи, где сидели журналисты. Ведь Теодора Краруп также на протяжении многих лет писала заметки о России для датских газет. При этом она делает очень много тонких и интересных наблюдений над жизнью и бытом конца XIX — начала XX в.

Она размышляет о том, какой вред принесло крепостное право России, о воровстве, с которым ей часто приходилось сталкиваться в России, и вместе с тем говорит об удивительном русском гостеприимстве, об умении в трудную минуту прийти на помощь, объединиться, чтобы противостоять опасности. Она не скрывает, что эти стороны русского характера ей кажутся чрезвычайно привлекательными.

Не удивительно, что этой замечательной женщине довелось встречаться за эти годы со многими деятелями культуры. Один из самых известных персонажей в ее воспоминаниях — Илья Ефимович Репин. В своих воспоминаниях Теодора Краруп подробно рассказывает о Репине, его жене, жизни в их усадьбе, не упуская такие детали, как, например, знаменитый вращающийся стол в столовой.

Теодора Краруп встречалась также со Львом Толстым и во время этих встреч беседовала с ним о литературе и Скандинавии. Лев Толстой поведал ей, что, согласно семейной легенде, у него был датский предок. В этом разговоре упоминается Петр Ганзен, известный переводчик и знаменитый посредник между двумя культурами. Теодора Краруп замечает, что Лев Толстой, подобно большинству русских, воспринимает Скандинавию как единое целое, не делая различий между датской, норвежской и шведской литературами. Теодора Краруп объясняет такое распространенное заблуждение тем, что русская публика знакомилась со скандинавской литературой по одним и тем же сборникам «Фьорды», в издании которых принимал участие Петр Ганзен. В этих сборниках были представлены переводы с трех языков, и в восприятии читателей все они, по ее мнению, объединились.

Среди тех, с кем встречалась Теодора Краруп, были также Дмитрий Иванович Менделеев, министр путей сообщения князь Хилков, Айседора Дункан, а также Максим Горький, которому она отдает должное за помощь многим деятелям культуры, отмечая при этом, что общаться с ним ей было не очень легко.

Григорию Распутину, с которым художница была очень хорошо знакома, в воспоминаниях посвящена отдельная глава. Об этом ее знакомстве следует сказать особо. Во-первых, она сама утверждает, что написала двенадцать портретов Распутина, во-вторых, существует фотография Распутина, сделанная ею, в-третьих, она говорит, что, поскольку ей приходилось очень много с ним общаться, она его прекрасно изучила и что он на самом деле был чрезвычайно порядочным и верующим человеком, а вовсе не тем злодеем, которым предстает в воспоминаниях многих современников. Она утверждает, что обещала дочери Распутина восстановить его доброе имя. Один из ее портретов Распутина был использован в книге Рене Фюлэп-

Миллер «Святой дьявол», написанной в 1927 г. Однако сама художница с этой книгой не была знакома, поскольку в Советском Союзе в 20-х гг. она вряд ли могла появиться.

Особое место уделяется в воспоминаниях знаменитым скандинавам, которые в течение 42 лет, пока Теодора Краруп жила в России, приезжали в Петербург. Очевидно, она старалась всячески содействовать приезжавшим в Петербург датчанам, шведам и норвежцам. В книге упоминаются, в частности, встречи со шведской писательницей Сельмой Лагерлеф, датским художником Оскаром Магтисеном, датским писателем Германом Бангом. В ее воспоминаниях встречается множество жизненных деталей, например, подробно рассказывая о визите Германа Банга в Петербург, о реакции прессы и публики на его выступления, она завершает эту главу историей о том, как, провозжая Германа Банга на вокзале, она увлеклась разговором с ним и не успела выйти из поезда. В результате ей пришлось проехать более часа, прежде чем она смогла выйти на маленькой станции, где ей, однако, пришлось провести всю ночь, поскольку следующий поезд в Петербург был только рано утром.

Встречалась она и с прожившим многие годы в России датчанином Тором Ланге, которого также можно назвать одним из значительных посредников между датской и русской культурами.

Книгу ее воспоминаний можно условно разделить на две части: первая часть посвящена ее жизни в России до революции, вторая — жизни в Советской России. И хотя эти два периода длились одинаковое время (21 год до революции и 21 год после), три четверти книги посвящены описанию дореволюционного Петербурга, и лишь последние пятьдесят страниц — советскому времени, о котором она пишет достаточно сдержанно, лишь в отдельных случаях позволяя себе давать оценку происходящему.

Несмотря на присущую ей осторожность в высказываниях, она тем не менее касается и судьбы царской семьи, сообщая некоторые интересные для современного читателя подробности, ставшие ей известными от Чарльза Сиднея Гиббса, гувернера царской семьи, обучавшего детей Николая II английскому языку и последовавшего за царской семьей в Тобольск. Теодора Краруп была знакома с ним и состояла в переписке, когда он вместе с царской семьей оказался в Тобольске. Согласно ее воспоминаниям, Ч.С. Гиббс сообщил ей в одном из писем, что Александре Федоровне очень бы хотелось апельсинового джема, которого в Тобольске для нее было не достать. Теодора Краруп достала апельсины и сама сварила апельсиновое варенье, которое и переправила в Тобольск, после чего она получила благодарность от Александры Федоровны в виде продовольственной посылки. Письма Ч.С. Гиббса, по словам Теодоры Краруп, были бы сейчас бесценным исто-

рическим свидетельством, но, к сожалению, она вынуждена была их уничтожить перед отъездом из Советского Союза.

Большая часть ее воспоминаний о времени после революции — это описание голода, тягот и борьбы за выживание в первые послереволюционные годы.

Однажды, бредя по грязным и мокрым улицам Петрограда, она придумывает, как изобрести сапоги на основе деревянных сабо (судя по описаниям, у нее получились почти что современные сапоги-чулки), и ее совершенно неожиданно ставят во главе артели по производству этих сапог. Делом этим она, естественно, тяготится, тем более что у нее в подчинении оказываются арестанты.

Позже ей все-таки удастся заняться делом, которое ей было гораздо ближе: она устраивается учительницей рисования на подготовительные курсы в Академию художеств.

Несомненный интерес представляет ее описание встречи с леди Астор — первой женщиной, избранной в английский парламент в 1919 г. Действительно, леди Астор в 1931 г. приезжала в Советский Союз вместе с мужем, сопровождая Бернарда Шоу, которого пригласили посетить страну, надеясь, что он затем напишет что-нибудь положительное в западной прессе о Советском Союзе. Программа пребывания включала посещение показательной фабрики, пионерлагеря, музея, Большого театра в Москве и Зимнего дворца в Ленинграде. Однако леди Астор интересовалась действительным положением дел в Советском Союзе и поэтому захотела поговорить с кем-нибудь из иностранцев, постоянно живущих в стране. При описании этой встречи память неожиданно отказывает Теодоре Краруп, она утверждает, что не помнит, о чем рассказывала леди Астор, помнит, что только повторяла: «Нам нужно быть чрезвычайно осторожными — здесь и у стен есть уши». И далее пишет, что с ужасом выходила из гостиницы «Европейская» после этой встречи, ожидая, что ее арестуют.

Позднее, но уже не в связи с этой встречей, Теодора Краруп все-таки была арестована и провела в тюрьме три недели. Там она встречает одну малосимпатичную датчанку, и в связи с этим замечает: «Когда находишься за границей, редко получаешь удовольствие от встречи с соотечественниками». К счастью, художницу довольно быстро освободили, возможно, благодаря тому, что она, находясь в тюрьме, писала письма всем известным ей деятелям искусства с просьбой о помощи.

Убийство Кирова в 1934 г. и последовавшие за ним аресты (среди арестованных оказалась ее знакомая, молодая актриса, имени которой она не называет) явно напугали ее, и она тяжело заболела. В политических оцен-

ках Теодора Краруп на протяжении всей книги очень сдержанна. Она лишь позволяет себе отдельные краткие замечания, в частности о том, что в Советском Союзе нет истинного равенства, к которому стремились создатели этого государства.

В 30-е гг. она знакомится с художником Исааком Бродским — одной из центральных фигур официального советского искусства тех лет.

Возможно, именно это знакомство и навело ее на мысль о портрете Калинина. В 1936 г. она пишет Калинин письмо, в котором просит его о разрешении написать его портрет. Калинин отвечает ей, что на то, чтобы позировать, у него времени нет, но что он не возражает против использования его фотографии для портрета.

В 1938 г. Теодору Краруп вынуждают уехать из Советского Союза, поставив ее перед выбором: либо отъезд, либо принятие советского гражданства. Нет сомнения в том, что отъезд стал для нее тяжелым испытанием: ведь она 42 года прожила в этой стране.

При знакомстве с воспоминаниями Теодоры Краруп, естественно, может возникнуть вопрос, насколько они правдивы. Что в ее мемуарах соответствует действительности, а что было додумано позже или искажено? Ведь диктовала их Теодора Краруп уже в преклонном возрасте, практически не имея возможности опираться на записи и документы — большинство из них пришлось перед отъездом сжечь. Нет сомнения в том, что в некоторых случаях знание дальнейшего развития событий повлияло на изложение тех или иных фактов, что приводит к незначительным искажениям. Так, например, самоубийство жены купца Елисеева она объясняет революционными событиями 1917 г., в то время как это трагическое событие, вызванное исключительно личными причинами, произошло в 1914 г. Но в целом изложение событий в ее книге кажется достаточно правдоподобным.

Воспоминания свои Теодора Краруп заканчивает такими словами: «... несмотря на горькое окончание моей жизни в России, я всегда буду вспоминать ее с чувством благодарности за то, какие впечатления и воспоминания мне даровала судьба»⁴.

¹ Krarup Th. 42 Aar I Czarriget og Sovjet. Kbh, 1941.

² Ibid. S. 32.

³ Ibid. S. 36.

⁴ Ibid. S. 197.